
Александр Федорович Котс

Ф. К. Лоренц

Позвольте всего прежде выразить мою глубокую признательность за Ваше теплое приветствие. Оно меня очень тронуло, хотя я не обманываюсь в том, что до известной меры адресовано оно не столько мне, сколько моему паспорту, моему возрасту, моим сединам.

Но как раз этот мой возраст, близкий возрасту «библейских патриархов», позволяет мне перенестись воображением за полстолетие назад и мысленно восстановить былое с той правдивостью, которая доступна только современнику и очевидцу.

Всю мою речь я посвящая светлой памяти давно умершего лица. Я буду говорить о знаменитом некогда московском препараторе-натуралисте-орнитологе **Федоре Карловиче Лоренце**, умершем ровно полстолетия назад, осенью 1909 года.

Мало имен, так много говорящих орнитологам моего возраста мало имен, которые бы сохранили память о себе столь же наглядно, вечно неизгладимо.

В чем же эти, столь неизгладимые заслуги человека, о котором подавляющее большинство присутствующих в этой аудитории знакомо разве только понаслышке?

В лучшем случае с именем **Лоренца** увяжет современный орнитолог около десятка птиц, носящих его имя, будь то трое тетеревов-косачей (степной, байкальский и уссурийский), парочка фазанов, куропатка белая Сибири, пара воробьиных птиц с Кавказа.

Но затерянные среди множества других подвидов, эти «Лоренцевы крестники» давно бесследно растворились в цветнике других пернатых.

Столь же эфемерны и печатные научные труды, составленные **Лоренцем**: его «**Птицы Московской Губернии**» и «**Птицы Северного Кавказа**».

При бесспорной ценности обеих этих книг, как и бесчисленных заметок и статей, опубликованных в различных периодических изданиях у нас и за границей, все они разделяют судьбы всех подобных сочинений, ставши достоянием времени.

Более длительный успех сулил фундаментальный труд покойного, им выполненный в самой хлопотливой части, именно иллюстративной, но оставшийся незавершенным — «**Монография Тетеревиных Птиц**».

Глубоко самобытный способ собирания материала, как и способ иллюстраций, примененный **Лоренцем** в этом труде заслуживает быть особенно отмеченным.

Долгие сорок лет, изо дня в день, своей размеренной походкой **Лоренц** обходил былой «Охотный Ряд», — ныне одна из станций нашего **Метро**, а до Октябрьской Революции оправдывавший свое бессмысленное ныне наименование, состоя из ряда лавок, торговавших всякой снедью, в том числе различной дичью, в том числе тетеревами, поступавшими за год в количестве миллиона пар со всех концов России на московский рынок.

Сорок лет, изо дня в день к приходу **Лоренца** торговцы отбирали для него, при счете дичи, все необычное по цвету или форме оперения, руководясь торгашескими интересами большей ценой подобных «выродков». В итоге этого обследования миллионов птиц была составлена единственная в мире, абсолютно уникальная коллекция гибридов, аббераций, варьететов, даже отдаленно не имеющих ни в одном музее мира.

Добытое таким образом монтировалось особо тщательно и в свежем виде до того, как наступала неизбежная из-за усушки деформация, препровождалось в ателье фотографа.

Там, из свежих свежесрезанных ветвей и листьев инсценировалось некое подобие микроландшафта и заснятые на его «чучела», точнее говоря, изображения, размноженные фототипии раскрашивались от руки.

В итоге — абсолютное воссоздание оригиналов, с величайшей точностью передающие тончайшие оттенки оперения и детали линьки, с совершенством, недоступным никаким художникам-анималистам, ни карандашу, ни кисти.

Свыше двадцати таких сюжетов и таблиц с расчетом на тираж, примерно, в двести экземпляров, было заготовлено таким путем: свыше **четырёх тысяч** таблиц «ин фолио» в ручной раскраске, — труд сверхчеловеческий... немудрено, что, совершив его, сам **Лоренц** медлил с окончанием издания, выискивая новые недостающие объекты, поступление которых невозможно угадать заранее.

Но, уповая на свою неиссякаемую бодрость и на мнимо нестареющие силы, **Лоренц** не спешил с писанием текста, отлагая мление его до более свободных дней.

Им не дано было настать и тысячи цветных таблиц, неподражаемого мастерства, остались в положении «осирателых».

Повинуясь чувству долга, мною полвека тому назад было приступлено к изданию заграницей (в Вене) названных таблиц в форме роскошной монографии «ин фолио».

Начавшаяся первая империалистическая война прервала это начинание: издание остановилось на одном лишь первом выпуске, успевшем разойтись в немногих экземплярах.

Говорить о предстоящей новой форме опубликования **Лоренцевского** труда — не входит в планы моего сегодняшнего выступления. И также не является моей задачей охарактеризовать значение **Лоренца**, как орнитолога-специалиста общеевропейского масштаба.

Здесь достаточно напомнить, что сама его работа о «тетеревиных птицах» была им задумана в противовес обширной монографии директора Музея Дрездена, доктора А.Б. **Мейера**, с которым на страницах иностранной прессы **Лоренц** вел научную полемику, блестяще доказав ошибочность целого ряда мейеровских утверждений.

Я не буду также говорить, как в целом ряде орнитологических вопросов, мнимо спорных даже по суждению наших бывших крупнейших орнитологов, как о таксономическом значении «Беркута» и «Холзана», «Полубелой Лазоревки» и о природе «Тетерева-Межняка». **Лоренц** оказывался неизменно правым, защищая взгляды, ныне представляющиеся трузизмами.

Но есть другая, и при том единственная в своем роде сторона наследия покойного, имеющая пережить века: я разумею **Лоренц** как несравненного новатора и реформатора сложнейшего искусства по созданию музейных экспонатов и, конечно, всего прежде в области Орнитологии.

Пускай по линии крупнейших представителей Млекопитающих и, в частности, **слонов** американские Музеи могут с гордостью указывать на своего **Экли**, Музей Британский (мною дважды посещенный) на шедевры фирмы **Роланд Уард**, Музей Берлина, или Штутгарта на замечательные экспонаты по разделу Антропоидов, но по разделу **птиц**, творения **Лоренца** доселе не имеют себе равного.

Естественно спросить: Когда и как впервые проявилось в **Лоренце** его столь исключительное дарование, как реформатора в музейном деле?

Ведь и у нас, в былой России, только с **Лоренца** вульгарное понятие «Набивки Чучел» может быть отброшено, чтобы заместиться новым: «Произведение искусства на природной подоснове».

И как настоящее искусство, близкое к скульптурному, оно сумело выявиться с первых Лоренцовских работ, при первом выступлении его в 1872 году на Всероссийской Политехнической Выставке, ставшей началом нашему бывшему Политехническому Музею.

Можно с полной уверенностью утверждать, что если три крупнейших существующих в нашей стране зоологических музея (академии наук, московский университетской и наш Дарвиновский) могут не бояться их сопоставления с зарубежными, а частью даже сознавать себя непревзойденными по мастерству монтажа многих экспонатов (и в особенности **Птиц!**) то только потому, что опираются эти Музеи о новаторские методы монтажа, разработанные **Лоренцем** и его школой.

В этом смысле следует признать за **Лоренцем** и его Школой крупную общественную, **политическую** роль.

Без **Лоренца** и его школы не было бы Дарвиновского Музея и не только потому, что мерзкая продукция московских «чучелятников» (а было их не менее десятка!) не могли бы вдохновить меня к идеи основания Музея, но и потому, что все эти торговцы «горе-препараты» не стали бы возиться с юным энтузиастом, не сулившим им особых «барышей».

Но этим самым мы касаемся самой высокой и ответственной оценки **Лоренца**, как воспитателя московской школы юных орнитологов.

Чтобы оценить вполне значение **Лоренца** в деле выращивания кадров молодых натуралистов и в особенности — Орнитологов, я приглашу Вас, мысленно, перенестись за более, чем полстолетия...

Вообразите орнитолога-подростка с прирожденным и порой наследственным влечением к многоголосым оперенным странникам. А большинство моей сегодняшней почтенной аудитории со мною согласится, что энтузиастичные любители Орнитологии **рождаются**, как музыканты или математики, а не слагаются, не фабрикуются из из каждого, любого человека, из любого встречного.

Итак, вообразим такого юного, природного любителя пернатых, но имевшего несчастье родиться, не в условиях рождения и детства **Брэма**, или нашего **Аксакова**, не в окружении природой и людей, способных поддержать влечение к познанию природы, а среди кирпичных стен столицы, среди каменных домов, булыжных мостовых, среди помоек, оживляемых лишь курами и воробьями...

Лишь естественно спросить: как не заглохнуть этому при родному призванию среди такого окружения?

Но и позднее, в юношеском возрасте, к кому стучаться за поддержкой, где найти достойного руководителя, способного, а главное, готового с душой и сердцем поддержать, развить, направить молодого энтузиаста?

«Средняя Школа», именно Гимназия, поскольку лишь кончавшие ее имели доступ к Университетам? Но в программах гимназических науки о живой природе были изгнаны.

По крайней мере сам я за все восемь лет классического обучения в моей Гимназии только однажды услышал одну зоологическую фразу, да и то, случайно, на уроке немецкого языка, когда преподаватель наш, солидный немец, на вопрос ученика «что значит: рыбы дышат жабрами», когда наш немец, несмотря на то, что спрашивавший обратился не по специальности учителя, ответил докторально:

«**Риби воздуха вода — вместе иссосают!**»

То была единственная реплика по Зоологии, которую я услышал за все долгие 8 лет моего обучения в Гимназии!

Итак, от Средней школы ждать помощи не приходилось.

Столь же мало и от Университета.

Обращаться рядовому гимназисту к университетскому профессору в ту пору было бы не менее бестактно, чем солдату-рядовому лично обращаться к генералу.

И хотя в ту пору уже циркулировали книги **Мензбира** и **Холодковского**, но ни довольно тусклые и бледные рисунки первой, ни чрезмерно яркие изображения во второй не в силах были в полной мере захватить внимание бывшего юного натуралиста, дать понятие о подлинном богатстве форм и красок вольных обитателей лесов, или степных просторов.

А теперь перенесемся мысленно в подобный же булыжный двор и «каменный мешок» квартиры небольшого домика на бывшей Поварской в Москве. Скромная вывеска над дверью:

«Препаратор **Ф.К. Лоренц**»

Вот Вы входите, невольно замерев от изумления: самые редкие, причудливые представители нашей пернатой фауны, изумительно правдиво, мастерски воссозданные, словно замерев, теснятся отовсюду, свешиваются с потолка и стен, толпятся на полу, сгрудились по столам и подоконникам.

Как зачарованные смотрите Вы на это царство возрожденных жизней, на цветистые гирлянды форм со всех концов страны, снесенных на пространстве нескольких десятков метров силою большой любви, большого знания, большого творчества.

Но, разумеется, все это изумительное царство птиц осталось бы вдвойне немым, если не их владелец, не волшебник этого манящего сказочного царства, не сам **Лоренц**.

Рослая и стройная фигура, вопреки уже не молодым годам, тонкие правильные линии лица и острый, зоркий взгляд полевика-натуралиста, знатока российской и, в особенности, подмосковной фауны.

Этому последнему особенно содействовало первобытное былое состояние окраин Москвы.

Достаточно сказать, что на том месте, где сейчас проходит настоящее собрание, на бывших «Воробьевых», ныне **Ленинских** горах, когда то в годы **Лоренца** «тянули» Вальдшнепа и раздавалась песенка Дубровника, гнездившегося тут же, под Москвой, как полустанком векового расселения своего на Запад.

В этих орнитологических экскурсиях участие нередко принимали юные натуралисты того времени, как молодой тогда **Кожевников** (позднее профессор МГУ) и молодой **Сатунин**, ставший позже хорошо известным по своим исследованиям на Кавказе.

Можно привести примеры, как ближайшее знакомство с **Лоренцем** было решающим (как в случае **Сатунина**) для всей последующей жизни некоторых лиц и надо было видеть то участие, с которым относился Федор Карлович к этим своим ученикам.

Чтобы подлинно учесть значение и роль этого подлинного ученого-самородка, **Лоренца**, в деле выращивания кадров юных орнитологов в исходе прошлого столетия, или в начале нашего, надо припомнить, что в ту пору не было в Москве ни юношеских объединений типа нынешних «**юннатских**», ни, как уже было сказано, преподавания зоологии в Гимназиях, ни, скажем откровенно, нынешних **Гладковых** и **Дементьевых**, столь широко доступных ныне даже молодым зоологам среди учащихся, сумевших доказать серьезность в отношении своего к науке.

И, если даже, в виде редких исключений, как то было в отношении Вашего докладчика — двери профессора **Мензбира** открывались даже для неоперенных орнитологов-подростков, то опять лишь по рекомендации того же **Лоренца**, ко мнению которого всегда прислушивалась тогдашняя профессура.

Три поколения ученых приобщалось к орнитологической работе на главах и под ближайшим руководством **Федора Карловича**.

В лице его невидимая нить соединяла лиц весьма различных по общественному положению и возрасту, и Школе, но сходящихся в душевном отношении своем к нему, как редкому идеалисту-труженику, как безкорыстному помощнику в науке.

Не боясь преувеличения, можно утверждать, что на исходе прошлого столетия и на пороге нынешнего не было орнитолога, будь то любителя, или крупнейшего специалиста по исследованию птиц, будь то исследователь Туркестана **Северцев**, великий **Пржевальский**, **Мензбир** или **Сушкин** — нет того учителя наших учителей, который не был бы обязан **Лоренцу**, в скромных стенах которого не концентрировалась бы одно время вся орнитология Москвы, не крепла и не зарождалась бы отчасти молодая школа юных орнитологов **Москвы**.

И потому так прав был в свое время, уже при Советской власти, академик **Петр Петрович Сушкин**, говоря, что деятельность **Лоренца** сыграла в свое время крупнейшую общественную роль и что влияние ее оставило глубокий след в нашей культуре и что оно сказывается и доселе.

И потому, с чувством особой благодарности откликнулся я на предложение глубокоуважаемого Председателя Оргкомитета, профессора **Георгия Петровича Дементьева** — предложение выступить с коротким словом, посвященным памяти того, кто слишком столетия тому назад так скромно, но достойно соучаствовал в возникновении **Московской Школы Орнитологов**.

Профессор А.Ф. *Котс*

Основатель (1896) и Директор

Дарвиновского Музея в Москве